

УДК 330.101:339.9:002.8:30

**КРИЗИС И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ: К НОВОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ?
(СТАТЬЯ I – ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА В НЕОКЛАССИЧЕСКОМ
ПОДХОДЕ)**

Коврига А.В., к. э. н.

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

В статье рассмотрена ситуация системного кризиса экономической профессии. Показана значимость стратегического аудита и обновления подходов и методов деятельности профессии, роль решения этой проблемы в построении нового миро-хозяйственного порядка и мирового развития в XXI в. Сформулирована задача распределечивания оснований неоклассического подхода как подосновы глобальной интеллектуальной и хозяйственной политики неолиберального капитализма. Показаны принципиальные ограничения неоклассического подхода в моделировании институциональной динамики.

Ключевые слова: кризис, экономическая профессия, новый миро-хозяйственный порядок, неоклассический подход, институциональная динамика.

Проблемная ситуация¹. Глобальный экономический кризис не оставил никаких надежд на возможность сохранения *status quo* не только в мировом порядке, но и в экономической профессии – как в ее, профессии, общемировом, так и в национальном измерении. Процессы общественно-исторического развития необратимы, вернуться в прошлое и вести дело как обычно – *business as usual*, невозможно. За исключением небольшой группы представителей научно-экономического истеблишмента, признание системного провала экономической профессии уже стало общепризнанным. Как оказалось, главные течения экономической профессии не смогли распознать тех глубинных и долгосрочных тенденций, которые привели к современному кризису. Существенно недооцененными и малопонятными стали и масштаб и глубина этого кризиса. Во многом этот недостаток понимания связан с фундаментальными изъянами методологической организации самой экономической профессии, с предшествовавшей ошибочной направленностью исследовательских усилий в экономике. По мнению ведущих экономистов мира, текущий экономический кризис означает и демонстрирует и **системный кризис самой экономической профессии** – *systemic failure of the economics profession* [1]. Сегодня этот провал экономической профессии – один из ключевых вопросов общемировой повестки дня.

Профессора ведущих университетов мира, ряд Нобелевских лауреатов указывают на интеллектуальный коллапс мировой «штаб-квартиры» экономического мэйнстрима – Чикагской школы экономики. Зачастую они утверждают, что текущие комментарии представителей этой школы свидетельствуют о полной утрате ими понимания происходящего в мире. Эти коммен-

---

¹ Данная статья и проведенный анализ были бы невозможны вне коллегиальной поддержки профессоров Элинон Острем, Оливера Уильямсона, Нобелевских лауреатов 2009 г., и Майкла Спенса, лауреата 2001 г. Автор выражает благодарность за их неоценимую профессиональную помощь. Именно она сделала возможным не только ознакомление с их научными школами, но и позволила приступить к изучению способов институциональной организации американской экономической науки, отличия ее методологических стратегий и способов действия в сравнении с европейской традицией и постсоветским миром.

Элинон еще в 1992-м году откликнулась на нашу просьбу и предложение о сотрудничестве, любезно предоставила целую посылку с новейшими изданиями работ ее Семинара по политической теории и анализу политик в Университете Индианы в Блумингтоне; Майкл, декан Стэнфордской школы бизнеса, в 1999-м содействовал ознакомлению с исследовательскими центрами Стэнфорда и научными программами школы.

Особая благодарность Оливеру – будучи экс-президентом Международной ассоциации по новой институциональной экономике, он поддержал наш исследовательский проект и пригласил на годичную стажировку в его Семинаре по институциональному анализу в Университете Калифорнии в Беркли в 1999/2000 году. Участие в научной жизни в Беркли и Стэнфорде предоставило возможность прямого общения также и с Рональдом Коузом, Милтоном Фридманом, Дугласом Нортон, Джеймсом Вольфенсоном и др.

тарии все более стали похожи на продукты «макроэкономики Темных времен» – *Dark Age of macroeconomics*, в которых знания, с величайшим трудом добытые в человеческой истории, просто преданы забвению.

Все это означает, что перспектива профессионального участия в построении мироэкономики XXI века и нового Планетарного миропорядка неминуемо связана с парадигматическим прыжком – радикальной санацией и обновлением всего арсенала экономической теории и методологии, с изменением институциональной организации самой профессии [2], способов производства ею знаний, с новыми формами и стратегиями включения в процессы мирового развития – выработки и реализации программ институционального строительства и мирохозяйственной политики. С другой стороны, никакой прогресс, никакое продвижение к новому миро-экономическому порядку (среди прочего) не возможны вне и без этой профессиональной работы – вне формирования соответствующих идеальных чистых форм, которые будут нормировать и организовывать политэкономическое мышление и хозяйственную деятельность посткризисного мира. Не может быть нового упорядочивания мирохозяйственной практики вне принципиально новой организации мышления. Она и есть тот предмет подлинной «экономики знаний» – глобальной схватки и борьбы интеллектуальных проектов по поводу нового мирового порядка.

Несмотря на некоторую общую периферийность по отношению к мейнстриму мировой экономической мысли, в украинской и российской профессиональной литературе уже появился ряд достаточно глубоких работ, в которых развернуто обсуждение причин, оснований глобального экономического кризиса, некоторые гипотезы о возможных подходах к его преодолению.

Попыткам построить понимание этого глобального кризиса уже посвящены работы А.В. Бузгалина и А.И. Колганова [3], А.А. Гриценко [4; 5], Ю.М. Осипова [6], Ю. Пахомова и С. Пахомова [7], А.А. Пороховского [8], О. Сухарева [9] и др.

Углубленное понимание ситуации кризиса экономической теории давно выстраивается В.Н. Тарасевичем [10] и Г.В. Задорожным [11; 12], В.М. Полтеровичем [13].

И хотя это первые, во многом осторожные шаги, начало такому движению лишь только положено. Необходимо продвигаться далее в проблематизации и углублении понимания и активизировать конструктивную проработку, в том числе и уже намеченных ранее вопросов.

Безусловно это не призыв к и это не может означать установку на простое «освобождение» от накопленных в профессии знаний, представлений, теоретических моделей и сложного в истории профессиональной мысли интеллектуального капитала, с тем чтобы заменить все некоей радикальной новацией. Но чтобы эти «знаниевые запасы» профессии использовать как подлинный мыслительный капитал, превратить в актив в переходе к посткризисному миру, необходимо пропустить его через фильтр критики и проблематизации². На ее основе и должна быть сложена новая машина профессионального мышления и действия. Такая акция будет служить еще и средством морального оздоровления, мобилизации профессионального цеха, будет способствовать формированию ощущения единства и профессиональной ответственности. Как мы показали в ранней работе, вне этого невозможна общественность [6, с. 419-422].

Необходим *стратегический аудит, инвентаризация и обновление* подходов, понятий, категориального аппарата, методов деятельности профессии, которые станут адекватными вызовам мирового развития в XXI веке. В этом состоит одна из ключевых проблем, от действительного разрешения которой будет зависеть не только судьба экономической профессии, но во многом и сами перспективы поступательного развития и преобразования мироэкономики.

² Заметим, что все названные персонажи – Э. Остром, О. Уильямсон и М. Спенс и мобилизованные ими коллективы сегодня являются прямыми участниками этого глобального соревнования. Элинор – мировой лидер в борьбе за признание права на существование и обеспечение воспроизводства «глобальных общих благ» – *global commons* и «глобального знаниевого капитала» – *global knowledge commons*; Оливер уже в ходе своей Нобелевской лекции инициировал вопрос об учреждении принципиально новой структуры в системе высшей власти США – где, по его мнению, наряду с Национальным комитетом по экономической политике при Президенте, должен быть создан Национальный комитет по вопросам организации (предметом ведения которого должна стать рационализация организационного устройства США и мира); Майкл Спенс возглавляет Комиссию по проблемам роста и развития, предметом которой является построение посткризисных стратегий и политики развития стран третьего мира (и постсоветского ареала).

Базовый методологический контекст. Хотя в ситуации «борьбы методов» – Methodenstreit и фундаментальной методологической реорганизации профессия оказывается не впервые, масштаб происходящего сегодня и, говоря деловым языком, цена вопроса беспрецедентны. Сцепленность концептуально-теоретического и практического мира сегодня много выше. От того, какие оценки и какие картины мира строят ведущие теоретики, во многом зависит и построение политики и курсы акций на Уолл-стрит. Но мы возвращаемся не просто к тому моменту, где, как отмечал главный участник Methodenstreit Людвиг фон Мизес, «[п]одлинным вопросом являлись эпистемологические основы науки о человеческой деятельности и ее логической закономерности» [14, р. 4.]. Сегодня вопрос также стоит и о новой онтологической стратегии. Большинство экономистов неоклассического мейнстрима сфокусированы на выявлении и описании универсальных регулярностей экономики, работают методом дедукции и практически не рефлектируют тех онтологических допущений, на которых стоят [15, р. 138]. Но сегодня важнейшими оказываются и вопросы возможности/допустимости, перспектив и ограничений онтологического и теоретического плюрализма при соблюдении принципа **единства мира**.

Каковы возможности преодоления того, что называют системой закрытого мышления в экономике мейнстрима – closed-system mode of thought? В последних работах Европейской ассоциации эволюционной политической экономии показано, что если мы привержены принципу развития знания, то мы должны принимать и системы открытой эпистемологии и системы открытой онтологии – open system of epistemology and ontology. Онтологии подлежат развитию и изменениям [15].

В какой онтологической и методологической стратегии к намеченому выше аудиту необходимо подойти?

Для нас первичным является онтологическое полагание общественно-институционального и хозяйственного развития как *мирового процесса*. Естественно, не в смысле популярных версий объективации процесса глобализации или апологии глобального капитализма.

Мирохозяйственный процесс должен быть взят не сам по себе, а и во взаимодействии и взаимодействии с процессом развития профессии, ее методов работы, системы знаний и представлений. Вне полагания этих действительностей построение новых, посткризисных объектов и предметов исследований, посткризисной политэкономической практики профессии просто нереалистично.

В то же время это также означает, что выделение таких единиц деятельности, общественной практики и проектно-исследовательских преобразований, как Украина (или иное государство, их союз, отдельный регион [16], предприятие и т.п.) невозможно вне адекватного современной ситуации полагания *объемлющего целого* – мирового знаниевого, антропологического, хозяйственного и институционального процесса.

Как показывает не только развитие мировой мысли, но и практика последних столетий, выстраивать «свое» будущее в отдельно взятой стране, формирование ее как исключительного и обособленного «контейнера», со своей автаркичной системой хозяйства, общественных отношений, национальной научной системой и пр. невозможно. Ряд ведущих теоретиков, в частности германских обществоведов, вообще приходят к мысли, что в настоящее время, с точки зрения социокультурной, технологической и политэкономической организации, возможно существование только одного общества – мирового, а потому и единой мировой экономики [17;18].

Безусловно, построение национальных политических экономий в смысле Ф. Листа, А. Хамильтона, Ю. Витте и др. - это важнейший тип практик, выработанных человечеством, но выстраивать их вне полагания и проработки устройства мирохозяйственного целого, вне проектирования и построения связей и отношений с ним, никаких успешных стратегий национального хозяйственного развития в XXI веке быть не может. Как подчеркивает Уильям Бонефельд, в условиях современной мирозкономики «[в]се, все вещи существуют не только в отношении к мировому рынку, но и, что наиболее важно и фундаментально, исключительно в и через мировой рынок. ... Если коротко, мировой рынок, это 'категорический императив' политической экономии капитала» [19, р.36]. Здесь следует принять во внимание такую достаточно радикальную позицию, которая развивалась выдающимся представителем школы Анналов и миросистемного анализа Андре Гундером Франком. Он напоминает, что мировая история это **история мира**, что хотя есть различные культуры, нет никаких

отдельных цивилизаций, есть лишь различные, принимаемые странами и империями, исторически сменяемые роли в единой миросистеме глобальной экономики [20, с. 14].

Чтобы самоопределиться, конституироваться и осуществляться, в том числе и через процедуру выделения и идеального обособления как особому образованию и *единице общественной культурно-исторической практики и развития* стране, необходимо обязательное выстраивание системы «связок» и «внешних» отношений, через которые только и могут воплощаться ее сущность, распространяться принципы и достижения ее особой (в т.ч. внутренней) хозяйственной организации, телеологического, инфраструктурного, технологического, антропологического, эпистемологического и институционального обустройства. Типология этих семи планов и действительностей обустройства не является предельной и исчерпывающей. Здесь она указывает на наиболее принципиальные сферы обустройства и направления исследовательско-аналитических и проектно-программных работ. Тех работ и линий преобразований, по которым уже разворачиваются практика изменений в различных странах мира и в мировом сообществе в целом – ср. Проект «Стратегии Европа–2020», стратегии и планы развития Китая, Японии, глобальные стратегические инициативы США, Латиноамериканских государств и Беларуси и пр.

Кроме того, базовым контекстом для нас является действительность глобального мирохозяйственного кризиса, кризиса экономической профессии и ее системы знаний. И преодоление этой ситуации на индивидуально-страновом уровне через традиционные типы практик немислимо. Необходимо соорганизованное параллельное продвижение и взаимодействие различных стран, а для экономистов и политэкономов – вовлеченное, профессионально-практическое участие как в мировом, мирохозяйственном, так и в страновом, телеологическом, антропологическом, институциональном и знаниевом (эпистемологическом) процессах.

Мы находимся в ситуации борьбы сценариев и проектов, но за которыми, естественно, стоят соответствующие, профессионально выстраданные онтологии и теории. Судьба экономической профессии зависит от ее действий по вовлечению в эту борьбу своего интеллектуального капитала. Глобальный кризис требует нового самоопределения, переинтерпретации мыслительного и деятельностно-практического капитала профессии.

Но что должно стать предметом стратегического аудита в профессии, который позволит осуществить инвентаризацию, проблематизацию и обновление подходов и понятий, категориального аппарата?

Прежде всего, это должны быть *процессы смены знаний, динамика знания и форм организации деятельности самой профессии* – в ее связке с указанными типами макропроцессов.

На основании анализа мыследеятельностной истории профессии, по крайней мере за период с конца XIX столетия, мы приходим к выводу, что важнейшим **проблемным узлом**, задававшим динамику ее развития, смены знаний и представлений, форм организации практики было развертывание взаимодействия **трех типов практик и соответствующих им исследований и научно-проектных изысканий**: 1) *в рамках и под эгидой неоклассического подхода* – инкорпорировавшего, среди прочего, программу построения экономики как позитивной науки; концептуально поддерживающего нео-либеральную стратегию глобализации капитализма англосаксонским миром и Большим Западом, глобализацию и ноополитику типа «Вашингтонского консенсуса»; приватизационную практику; возвращение «глобального потребителя»; выстраивание технофинансовой и других инфраструктур и пр.; 2) *программы построения динамического, эволюционного представления общественной хозяйственной практики* – включая новую глобальную политическую экономию, проблематику построения инструментов ее регулирования, проектного и сценарного изменения (в том числе «транзитивного реформирования», «смены укладов») и т.п.; и 3) *программы освоения динамики знания* – Шумпетерианская инновационная экономика, глобальная технодинамика, глобальная экономика знаний, практики «управления знанием», построения национальных и глобального режимов реализации прав интеллектуальной собственности и пр. В какой мере этот проблемный узел задавал внутреннюю динамику профессии, и она действовала и была консолидированной, обладала субъективностью, а не просто обслуживала процессы власти, на что в свое время указывал Джон Кеннет Гелбрейт, – это специальный вопрос. Нам здесь важно зафиксировать эти три программные линии как наиболее емкие каналы для критической переоценки и переноса мыслительного опыта и капитала в практику посткризисного мира. Схема развития профессии, накопления и передачи про-

фессионального опыта и основные функции этой практики, подлежащие институциональному оформлению, представлены нами ранее [2, с. 445].

Глобальный кризис осуществил возвращение и возрождение *исторического подхода, историзма* как открытой возможности человеческого творческого отношения к своей деятельности и *возможности освоения и преобразования ее общественной институциональной организации*. Историзм также означает необходимость вовлечения цивилизационного подхода [21], проблематики новых форм глобального метауправления [22], в том числе геоэкономики; концепций имперской организации, например «Срединной империи» (Китай), как предельной сущности, гармонично интегрирующей историю и все типы антропологических и общественных практик.

В связи с этим, вопрос о повестке дня развития профессии и преодолении кризиса знания в профессии должен рассматриваться с точки зрения профессионального участия, возможности профессионального вклада в постановку и решение общественных проблем в обозначенном историческом контексте. Мы понимаем, что мыслительный и деятельный капитал – наличные в профессии теоретические разработки, концепции, арсенал понятий и категориальный аппарат, создавались в другой исторической ситуации, для решения иных задач и проблем. Поэтому попытка приложения этого профессионального арсенала к новой ситуации и новым задачам вряд ли может быть методологически адекватной. Как раз «кризисность» именно это и фиксирует – теоретические средства, которыми обладает профессия, сегодня не адекватны, их применение будет безответственно и контрпродуктивно. Придется проходить процедуру полномасштабной критики, перепредмечивания и «переоснащения» – поскольку предметность, функциональное соответствие понятий, схем, моделей, задействованного категориального аппарата исторически обусловлены. Старое в новых условиях работать не может и не будет.

Постановка задач, цель и методы исследования. Указанный провал экономической профессии имеет глубокие политэкономические и методологические корни. Для их выявления и анализа потребуется в том числе и распределчивание неоклассического подхода, служащего ключевым основанием теоретических работ мейнстрима и практической политики нелиберального капиталистического развития. При этом, поскольку речь идет не о сохранении status quo и равновесного состояния, но о «капитальном ремонте» системы, о задаче изменения порядков и даже всей ее организации, главным вопросом, на который необходимо получить ответ, должен стать вопрос о том, что дает нам неоклассический подход в понимании устройства системы в целом и возможностей ее изменения. Поэтому в связи с намеченным подходом к определению предмета и направлений критической переоценки арсенала профессии, в данной первой статье в обозначенных рамках, мы ставим задачу проанализировать представления неоклассического подхода именно об институциональной динамике, его отношения к процессам изменения знаний в хозяйственной системе. Сделаем мы это, прежде всего, на основе сопоставительного и критического анализа содержания классических работ ряда ведущих экономистов.

Основной материал. *Неоклассический подход к институтам и институциональному процессу.* Уже несколько десятилетий неоклассическая теория критикуется за неучет социальных институтов, в рамках которых ее теоретические допущения только и могут работать. Наиболее острая критика исходит из лагеря институциональной экономики, в которой главная проблема и предмет исследований и разработок – это объяснение «природы» экономических порядков, то есть источника образования институтов и процессов институциональных изменений.

Несмотря на указанную критику, все же необходимо отметить, что в рамках неоклассической теории имеются имплицитная концепция институциогенеза и роли институтов. И мы попробуем это далее показать.

Близкий комплекс имплицитных допущений (и по составу и по содержанию) используется также и в новом институционализме. По крайней мере, он обязателен в парадигматических работах мировых лидеров Дугласа Норта, Оливера Уильямсона и других. Более того, само понимание институтов в ряде ведущих версий нового институционализма вполне непротиворечивым образом может быть инкорпорировано и в неоклассический анализ. Основанием для этого является тот простой факт, что новый институционализм, по крайней мере, в наиболее влиятельных работах Д. Норта [23], О. Уильямсона [24-26], Э. Фуруботна и Р. Рихтера [27], Дж. Бьюкенена [28] и др. объясняет образование институциональных порядков и их эволюцию на основании идеи *рационального выбора*, в логике *повышения эффективности* и *оп-*

тимизации в условиях заданных (институциональных) *ограничений*. Здесь нам кажется важным заметить, что, поскольку познание культурно-исторически обусловлено, на содержание научной деятельности и формирование нового институционального подхода принципиально важное влияние оказала политэкономическая ситуация 1960-х и 1970-х гг. В ее принципиальном отличии от периода между Первой и Второй мировыми войнами. В это время исследователи, стремящиеся социализироваться и получить адекватный политэкономический и общественный статус, не могли иметь стратегий, в которых бы проблематизировался наличный порядок капитализма. Они принимали наличную онтологию капитализма как естественную и исторически универсальную. Задачи рационализации хозяйства ставятся ими в контексте заданных и неизменных институциональных ограничений. Именно поэтому так много сходств в онтологических основах нового институционализма и неоклассического подхода. О политике методов и его влиянии на мирохозяйственное развитие и мироустройство см., например, работы Джорджа Стейнмеца и др. [29].

Мы не сможем понять совершенно уникальный характер Американского позитивизма (и эмпиризма) в общественных науках и экономической теории (сегодня доминирующей глобально и активно осваиваемой как истинная и единственная в постсоветском мире), если не проанализируем какого типа государство было создано в США после Второй мировой войны. В этом отношении военный компонент является абсолютным и принципиальным – и в США самое большое влияние он оказал на развитие экономической мысли. С этой точки зрения не критическое принятие американской или иной онтополитически поддерживаемой концепции экономической науки означает утрату онтологической безопасности – в том смысле, как этот вопрос ставит в своих работах исследователь из Университета Огайо Дженнифер Митцен [30]. Построение иных государств Западного капиталистического ядра имело свою существенную специфику, что отразилось и в способах построения экономической науки, содержании теорий [31].

Дискуссии по вопросу ограниченности и правдоподобности ”статического представления экономики” в неоклассицизме идут уже более ста лет – начиная с германской исторической школы, трудов Т. Веблена [32, р. 389] в конце XIX в. и заканчивая работами М. Тула, Дж. Ходжсона и К. Пителиса [33; 34]. Один из центральных критических моментов здесь – возможность теоретического представления *институциональной эволюции*, а также вопрос о тех функциях, которые *институты* как комплексные понятия выполняют или должны выполнять в экономической теории.

В неоклассической теории институты представляются как непознаваемое «данное» – как предзаданные и нерелефлируемые, скрытые от сознания ограничения, но которые, тем не менее, определяют состояние равновесия в экономике. В то же время в контексте *экономической политики*, основанной на неклассическом походе как концептуальной базе, институты трактуются как средства и активные инструменты. Ведь именно с их помощью осуществляется экономическая политика на всех уровнях – ведется работа по поддержанию равновесия и производятся те или иные изменения в состояниях экономики.

Новые институционалисты усложняют и развивают эти представления. В работах Дж. Бьюкенена, Г. Туллока, Д. Ланса, Д. Норта и других вводится различие *институциональной среды*. Среда эта, как правило, включает основополагающие *права и юридические нормы*, служащие ограничениями в политической и экономической деятельности. С другой стороны, они вводят представления об *институциональных установлениях*, доступных для экономической политики, для манипулирования. Изменения этих установлений позволяют создавать более эффективные условия для экономических факторов, но при неизменности заданной рамочной институциональной среды.

В неоклассическом подходе все специфические внутренние (эндогенные) факторы и переменные рассматриваются как зависимые от решений и эгоистического поведения “рационалистически ориентированных максимизаторов полезности”. При этом внешние ограничения условно постоянны и предзаданы. Они присутствуют в экономической действительности как следствие «ограничений рациональности», в связи со сделанным выбором, принятыми решениями, а также в силу реализации конкурентных стратегий поведения и действий, несогласованных с другими агентами рынка. Поэтому сюда, во внутренние факторы, попадают только те ограничения, которые предопределяются принятым решением и сделанным выбором. Все ос-

тальные параметры и факторы, которые не могут быть предметом выбора или решения, а потому и не могут контролироваться индивидом в рамках его решений, относятся к экзогенным, то есть к внешним в неоклассическом подходе факторам – их анализ и объяснение здесь не мыслим, он лежит за пределами исследовательских возможностей и целей.

В то же время многие внешние постоянные (факторы) *признаются* и могут быть включены в рассмотрение как значимые в том случае, если предполагается, что их изменения влияют на динамику изменений внутренних переменных. К таким внешним факторам относят институциональные условия, структуру прав собственности, правовые ограничения и т.п. Но это и есть фактически то, что является базовыми институциональными характеристиками экономики в новом институционализме.

Динамика в неоклассицизме: проблема учета изменения факторов. Одним из наиболее влиятельных трудов в неоклассическом подходе стала работа Альфреда Маршалла “Принципы экономики”. То, как А. Маршалл решает “проблему времени” и вводит *принцип непрерывности* – *Principle of Continuity*, можно трактовать как имплицитное допущение в исследовательский анализ институциональных условий. А. Маршалл исключает из своего рассмотрения все факторы и переменные, которые не подлежат, не доступны контролю (“формажорные обстоятельства”), а также те, изменение которых требует длительного периода времени. Однако те факторы и переменные, которые могут быть изменены в тот или иной период времени, могут быть включены в состав внутренних факторов для этих периодов. Например, он отмечал, что “существуют медленные ... подвижки в долгосрочном равновесии цен, вызываемые постепенным ростом знаний, населения и доступного капитала, а также изменениями условий спроса, предложения и социальных условий от одного поколения к другому” [35, р. 315].

Но если изменения долгосрочных факторов связываются здесь с *социальными условиями*, то есть с институциональной средой, тогда правомочным будет вопрос: А могут ли наличные институты быть включены в круг избирательных факторов и переменных в той же форме, как и все другие внутренние переменные, подлежащие рациональному выбору и оптимизации? Если мы даем утвердительный ответ, то мы, фактически, инкорпорируем общественные условия в круг внутренних переменных, подлежащих сознательному и рациональному выбору. Но, тем самым, так действуя неоклассический подход перефункционализирует *институциональные условия и ограничения* из внешних факторов во внутренние.

Здесь важно, что неоклассический подход служит и видением мира, рабочей ‘объяснительной’ концепцией для доминирующих в обществе и миро-экономике политэкономических групп и институциональных предпринимателей. Они обладают властью проводить онтополитику – делать это мировидением доминирующим в обществе и далее осуществлять институциональные изменения или модифицировать институты. Целью таких изменений является *минимизация расходов* или *увеличение прибыли*. Но в рамках этой предпринимательской практики институциональные условия и ограничения экономической деятельности рассматриваются именно как внутренние. Иначе они просто не могут стать реальными объектами институционально-политической инженерии, трансформации и оперирования. При этом если выйти за рамки одного цикла изменений и установления новых институциональных порядков, то окажется, что в более широкой временной перспективе такая практика формирует новую институциональную среду, которая далее предстает уже как институциональные ограничения для индивидуальных решений и в рамках краткосрочных действий. Мы получаем динамику смены функций и онтологического статуса: институциональные условия как внутренний фактор, доступный для изменения, в следующем цикле становятся внешней институциональной средой.

Все это означает, что при таком подходе оказывается допустимым рассматривать институты в качестве *переменных факторов* и *элементов* экономики наряду с другими традиционными факторами производства, включая капитал, труд и т.д.

Однако проблемы использования неоклассического подхода возникают тогда, когда нам необходимо объяснить *источники* и *природу* изменения институциональных условий – как независимых, внешних условий социального окружения. В концепции А. Маршалла и в рамках неоклассических экономических моделей внешние (экзогенные) изменения не подлежат никакому объяснению. В этой связи мы и наблюдаем эту последовательную “эндогенизацию”, перефункционализацию и смену статуса из внешних на внутренние. Кроме того, в неоклассическое моделирование вводятся различные социальные факторы и переменные, которые первоначально трак-

товались как “внешние”, независимые и постоянные. Эта стратегия развития экономического знания и подход к развитию капиталистических отношений и получила название “экономического империализма”. Замечательно, что сегодня эту идею «экономического империализма» как феномена последовательного расширения и экспансии неоклассического подхода и построения в его парадигме все новых и новых объектов экономического анализа, капиталистической калькуляции и использования, расширения сферы капиталистических отношений уже используют и для объяснения ускоренного распространения терминологии институционализма [4].

«Экономический империализм» как стратегия экспансии капиталистических отношений и как его научно-теоретическое обеспечение складывался в сложный период Великой депрессии и огромного авторитета в мире социализма как альтернативного проекта. Важную роль здесь сыграли действия Лионела Роббинса в 1930-е гг. Он стремился строить экономическую теорию как «концептуальную аналитику», необходимую для обеспечения эффективного выбора между различными жизнедеятельностными и экономическими альтернативами. Политэкономии необходимо было сформировать средства управления общественным поведением. Главная проблема, как он полагал, это выявление закономерностей человеческого поведения в ситуациях несовпадения целей и средств (ресурсов), которые всегда ограничены, и могут быть использованы по-разному. Поэтому для обоснования решений, поведенческих различий (выборов) и стали последовательно вводиться все новые и новые факторы и переменные – все, что становилось известно о человеческой жизнедеятельности из гуманитарных наук, психологии и пр. Важнейшие действия в этой «империалистической» экспансии «экономического подхода» на различные области гуманитарного знания осуществила Чикагская школа монетаризма и, прежде всего, один из ее лидеров, Нобелевский лауреат Гарри Беккер [36; 37].

Является ли включение институтов в экономический анализ в той стратегии, которую реализует новый институционализм лишь продолжением и расширением «практики» экономического империализма, – это отдельный и специальный вопрос.

Мы полагаем, что в неоклассическом подходе движение к учету “институционального типа” факторов – это не столько “империализм”, сколько методологическое требование.

Но для последовательного и всестороннего анализа всего комплекса факторов принятия решения необходимо привлекать и учитывать такой набор факторов, динамика которых может быть представлена в различных *временных горизонтах*.

В таком расширении и “эндогенизации” факторов в рамках неоклассического подхода возникает несколько существенных проблем.

Традиционно неоклассический подход приписывал институциональным порядкам статус “экзогенных”, внешних, существующих объективно и недоступных для изменения. Однако необходимость обеспечивать практику расширенного воспроизводства отношений капитализма и представить то, как институты (некапиталистические!) изменяются и эволюционируют, потребовала создания концепции “эндогенных (*внутренних*) институциональных изменений”. Формирование концепции «внутренних институциональных изменений» выступило важным элементом в работах коллектива Элинора и Винсента Остром в их Семинаре по политической теории и анализу политик в Университете Индианы в Блумингтоне [38].

Эта концепция основывается на предположении, что “повышение эффективности” экономической деятельности служит главной побудительной причиной, двигателем и источником “спроса” на изменения и модификацию институтов. Институциональные порядки, уровень и полнота их утилизации, эффективность использования рассматриваются в таком случае как внутренние, эндогенные переменные, а внешние факторы служат источниками “спроса” и/или “предложения” на институциональные изменения на определенном *институциональном рынке*. Институциональные условия трактуются как предмет специфического рыночного оборота, могут приобретаться, становятся объектами капиталистической манипуляции. Рыночное равновесие и “институт-как-равновесие” здесь – также ключевой концепт [38, p. 176].

Побудительный мотив и спрос на институциональные изменения образуется из понимания того, что наличные порядки не позволяют извлекать *все* возможные выгоды. То есть в связи с тем, что агенты выясняют, что они могли бы приобрести нечто большее, благодаря и при условии изменения существующих институциональных порядков.

Наиболее очевидный стимул изменений – это перераспределение доходов в чью-то пользу, то есть когда ожидаемые результаты превосходят издержки и затраты на институциональные изменения. Концепция *сравнительного институционального анализа*, трактующая “ин-

ститут-как-равновесие” (institution-as-equilibrium), развивается с использованием неоклассического подхода Стэнфордским профессором Масахико Аоки. Он утверждает, что это позволяет рассмотреть эндогенные характеристики происхождения также и общественных условий, в которых обеспечивается реализация институтов [39].

Как эвристическая рамка ретроспективный и проспективный анализ траектории институциональных изменений объединяет статический анализ “равновесия” и эволюционную перспективу, то есть план изменений. Так, изменения в один период времени становятся состоянием и постоянной средой в следующем, вызывая далее новый цикл спроса или предложения институциональных изменений. Благодаря действию различных внешних факторов состояние равновесия в институциональных порядках периодически нарушается. В сравнительном статическом анализе выявляются эффекты внешних воздействий, изменяющих равновесное состояние. К таким внешним факторам относят демографические и технологические изменения, политические нововведения, трансформацию структуры цен и размеров рынка и т.п. Дэвид Фини, например, рассматривает технологические совершенствования в сельском хозяйстве, изменения выборного законодательства [38, р. 183-192].

Предполагается, что эволюция происходит от одного состояния институционального равновесия через переходное состояние к другому (отсюда и все метафоры о «переходных экономиках»). То есть в этой идеологии они *в принципе не развиваются, стабильны*, только лишь переходят от одного стабильного состояния к другому...).

Предложения институциональных новаций и изменений точно также переменны. Они зависят от относительных расходов на институциональное проектирование, от существующих знаний о природе и способах организации устройства институтов и от освоенной обществом технологии проектирования и реализации институциональных изменений, от ожидаемых выгод и потерь, связываемых с реализацией новых порядков и установлений, от масштаба приобретений и рисков, если последним будет подвергнуты не столько все социальное целое, но именно элита институциональных предпринимателей, имеющих власть институциональных изменений и деспособных к принятию этих сложнейших решений.

Обобщая всю картину рассмотрения институциональных изменений в рамках идей “равновесия” и “спроса/предложения”, приведем итоговую таблицу, основанную на работах Дэвида Фини [38, р. 195].

Таблица 1.

ТИП И СТАТУСЫ ФАКТОРОВ	КАТЕГОРИИ ФАКТОРОВ
Категории институтов	Конституционное устройство Институциональные порядки Моральные кодексы поведения
Эндогенные переменные	Институциональные порядки Степень использования, утилизации наличных институциональных порядков
Экзогенные переменные: спрос на институциональные изменения	Относительные цены на продукты и факторы (включая демографические изменения) Конституционное устройство Технология Размер рынка
Экзогенные переменные: предложения институциональных изменений	Конституционное устройство Существующие институциональные порядки Стоимость институционального проектирования Существующие знания Ожидаемые затраты на реализацию новых порядков Моральные кодексы поведения Конвенциональная мудрость (здравый смысл) Выгоды и приобретения от институциональных изменений, ожидаемые элитой
Динамические следствия	Траектория изменений / Институциональная эволюция

В данном рассмотрении институциональные порядки приняты в качестве внутренних (эндогенных) факторов, а конституционное устройство и кодексы поведения трактуются как внешние (экзогенные). Это означает, что такая схема отношений равновесия, спроса/предложения может быть пригодна для анализа различных ситуаций и перспектив *важных институциональных изменений*. Теоретически играя попеременно различными категориями факторов, мы можем получить целую палитру различных типов ситуаций спроса и предложения проектов изменений институциональных порядков. Так может быть получена типология для *объяснения* и прописывания траекторий *уже случившихся изменений*. Могут быть построены предметы для проведения соответствующих исследований с попыткой выделения неких закономерностей и схем действия отдельных факторов и их пакетов. Но она ничего не говорит о природе и источниках фундаментальных изменений в *институциональной среде* – в среде, которая порождает изменения самих этих различных категорий факторов.

В поиске объяснения институциональных изменений пояснение каждого нового набора переменных требует последовательного вовлечения в анализ дополнительных внешних переменных. Ведь они – источники таких изменений. Без изменения хотя бы одного внешнего фактора в долгосрочной перспективе неоклассическая экономика оказывается стабильно-равновесной и статической. Как только складывается ситуация, где достигается оптимальное, *равновесное состояние всех институциональных ограничений*, уже не может быть поводов и оснований для изменения внутренних переменных – все приходит к стабильности и равновесию³.

Например, изменения в сторону оптимизации во внутренних характеристиках могут быть вызваны *сменой идеологии* (здесь идеология – внешний фактор). Но чем вызваны эти изменения в идеологии? Это необъяснимо в рамках неоклассической теории. Идеология как внешний объективный и независимый от нас фактор не может быть предметом рационального выбора, для этого необходима ее “эндогенизация”. Она должна быть превращена во внутреннюю, поддающуюся манипулированию. Тем не менее, в случае допущения идеологии в круг внутренних переменных, все равно должен быть найден *новый* внешний фактор, под воздействием которого она будет изменяться. Так мы попадаем в круг бесконечной игры в перефункционализации и институциональную регрессию.

Выводы. Таким образом, понятийно-категориальные средства неоклассического подхода не могут обеспечить построение теоретической картины и объяснить природу институциональной эволюции, трактуемой в нем как процесс последовательных оптимизаций, направленных на повышение эффективности институциональных порядков. Или мы оказываемся в ситуации бесконечного регрессионного анализа смены факторов институциональных изменений со внешних на внутренние и т.д., или, если мы прерываемся, в модели много допущений, которые делают ее объяснительные и конструктивные возможности предельно ограниченными. Она все время неполна. Как на ней можно строить практику? Антропологическая концепция институциональных предпринимателей, которые, как рациональные акторы, стремятся максимизировать полезность, извлечь выгоду от институциональных изменений и т.д., нуждается в принципиальном пересмотре и фундаментальном совершенствовании.

Поэтому неоклассический подход, в своем развитии поначалу отталкиваясь от представления институциональной среды как *заданной и неизменной*, через трансформацию и постепенное увеличение круга анализируемых внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) переменных вынужден выходить на качественно новое видение институциональной эволюции. Но в результате проблематизируются постулаты оптимизации и статическое видение институтов как постоянных и стабильных ограничений. Тем самым размываются условия, в которых действуют базовые положения самого неоклассического подхода.

Мы полагаем, что данный круг проблем и неадекватность неоклассического подхода в объяснении природы институтов и институциональных изменений связаны еще и с тем, что в нем принята “пространственная” и “натуралистическая”, а не деятельностная и эпистемологическая трактовка факторов и переменных.

Отношения “внутреннее-внешнее”, “экзогенное-эндогенное” должны рассматриваться как онтологические и эпистемологические отношения. Это означает, что рассмотрение и трак-

³ Современная политэкономическая риторика «экономической стабильности» как важнейшего предмета, на котором сконцентрированы внимание обществ и усилия правительств, является прямым следствием распространения неоклассики в мировой ноополитике. Так выглядят и предписывают видеть мир эти модели. «Социальные революции предотвращаются».

товка какого либо фактора в качестве “внешнего” и использование в анализе как внешней переменной будет зависеть от целей, аналитических задач, возможностей и применяемого метода. Процедура приписывания тому или иному фактору статуса “внешнего” или “внутреннего” основывается не на его абсолютном онтологическом свойстве – быть внешним, или внутренним по природе. Она основана на том *способе*, каким мы включаем его в анализ, на том, какую аналитическую функцию и роль он выполняет. От того, какая деятельностная и преобразовательная – исследовательская задача стоит перед нами.

Но здесь необходимо принять во внимание то, и это второй важнейший момент в критике возможностей неоклассики представить удовлетворительное видение институтов и процессов их изменения, что неоклассический подход использует совершенно определенную версию эпистемологических действий и возможностей индивидов как акторов, “принимающих решения”.

В ходе эволюции неоклассического подхода произошло замечательное событие. Так, при переходе от анализа индивидуального поведения в процессах выработки решений к изучению поведения сложных “агрегированных” макроэкономических объектов (*aggregates*) в неоклассической теории было введено понятие “характерного, репрезентативного” индивида (*representative individual*) и характерной, типичной фирмы (*representative firm*). В результате такой концептуальной редукции такая “индивидуальная сущность” используется в задачах, связанных с анализом макроэкономических процессов и логики принятия решений в макросфере – сложными “агрегированными субъектами”. Поэтому трактовка чего-либо как внутреннего, то есть доступного для контроля в процессе выбора, и внешнего, как предзаданного, объективного и естественного для нас, осуществляется с “позиции принимающего решение” – это попытка представить его “картину мира”, мотивы, ориентации, учитываемые факторы и ход расчетов по оптимизации и т.д. И вот здесь мы и получаем эту концептуальную редукцию, в результате которой достигается тождественность и “симметрия представлений”: экономист неоклассик, ведущий анализ, фактически имитирует, замещает собою позицию “реально” действующего актора, проецирует на нее свое видение и наоборот, используя определенную антропологическую концепцию, “реконструирует” то, как реальные решения могли бы приниматься “на самом деле”. Что здесь важно? Что нет различий эпистемологических возможностей индивидов-акторов реальной экономики и неоклассических аналитиков. Неявно предполагается, что они оба пользуются экономической теорией, что в принципе нереально, является совершенно особым, идеально-теоретическим случаем.

Неоклассический подход основывается на допущении рационалистичности, полноты знаний и естественности успешной практики выработки решений. Это означает, что для успеха на протяжении продолжительного времени каждый индивид должен был бы обладать полным, *точным и ситуативно адекватным знанием*. В то же время уже Ф. фон Хайек и Джон Хикс подчеркивали [40], что существование “ошибочного знания” должно стать существенным и необходимым составляющим в любой динамической теории принятия решения. Если все используемое на рынке знание будет точным и “правильным”, включая знание о будущих событиях и т.д., тогда теоретически *не может быть* оснований для нарушения равновесий и других изменений без изменения внешних переменных. Фундаментальная концепция Герберта Саймона об «ограниченной» или «связанной рациональности» – *bounded rationality*, введенная полвека назад, **внешне** пока так и не принимается в расчет неоклассическим мейнстримом [41; 42]. Динамика знаний как важнейшей предмет экономической теории имеет свою уже более чем вековую историю. Наибольший вклад в эту работу сделан традиционными институционалистами [43]. При этом рядом уже выросли целые новые научные и практические сферы, это не только известные практики PR, GR и политтехнологии, в которых манипулирование «принятием решений» и гуманитарно-технологическая инженерия обеспечивают принятие необходимых доминирующим группам «решений» – в нужном месте и в нужное время. Развиваются такие направления, как «формирование толпы», управление поведением толпы и пр. [44].

Таким образом, динамические теории должны признавать необходимость присутствия ошибочного и неполного знания, объяснить, почему оно может быть неполным и ошибочным. В частности, необходим учет того, что институциональные изменения тех институтов которые, в силу своей стабильности, служат источниками информации, порождают множество проблем координации, ведут к кризисам и разрывам.

Кроме того, теория динамического поведения должна осветить тот способ, каким индивиды отвечают на ситуации, в которых использованное ими знание оказывается ложным. Стохастические теории также не дают здесь удовлетворительного объяснения. Неоклассический подход пока не обладает средствами построения позитивной модели институциональных изменений. Сегодня он не может служить и концептуальной основой для анализа и проектирования современной политики построения новых мирохозяйственных порядков и институционального развития.

Перспективы и задачи дальнейших исследований. Для построения более реалистичного и удовлетворительного представления и возможности проектирования процессов смены мирохозяйственных порядков и институционального развития необходимы: а) развернутая картина эпистемологических и эпистемотехнических процессов в миро-экономике; б) в их связи и взаимоотношениях с процессами выработки, распространения и употребления знания в обществе и в) динамикой знаний в самой экономической профессии, а также г) их антропософских, антропологических и институциональных детерминант.

Мы полагаем, что продвижение в сформулированных направлениях существенно повысит возможности профессии к ответственному действию, позволит сделать адекватный ее претензиям вклад в построение нового мирохозяйственного порядка, будет способствовать укреплению ее политэкономического статуса.

Вне интенсивной и ответственной работы указанного типа престиж и дееспособность профессии вряд ли могут быть восстановлены.

Литература:

1. Манифест международной исследовательской группы по «Моделированию Финансовых Рынков», объединяющей профессоров-экономистов ряда ведущих университетов Германии, Франции, Дании и США: Colander, David; Föllmer, Hans; Haas, Armin; Goldberg, Michael; et al. The Financial Crisis and the Systemic Failure of Academic Economics. Position Paper. 98-th Dahlem Workshop, 2008. – 19 p.
2. Наш подход к построению теории профессии и профессионализации как одной из главных осей культурно-исторического развития общественной деятельности человечества изложен в международной монографии: Коврига А. Построение институтов профессионализации государственного сектора в посткоммунистических государствах/ А. Коврига, Ш. Уайман; под общ. ред. Т. Верхейна. Политико-административные отношения: кто стоит у власти? Пер. с англ. – Братислава, М.: Изд. «Права человека». – 2001. – С. 407-459.
3. Бузгалин А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ/ А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 2009. – №1.
4. Гриценко А.А. Институциональный империализм и его роль в развитии экономической теории / А.А. Гриценко// Научные труды ДонНТУ. Серия: экон. Выпуск 34-1. – Донецк: ДонНТУ, 2008. - С.46-51.
5. Гриценко А.А. Институциональные ответы на вызовы современного глобального кризиса/ А.А. Гриценко// Научные труды ДонНТУ. Серия: экон. Выпуск 37-1. – Донецк: ДонНТУ, 2009. - С. 28-34.
6. Осипов Ю.М. Мировой кризис в поле зрения философии хозяйства/ Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. – 2008. – №6
7. Пахомов Ю., Пахомов С. Мировой финансовый кризис: цивилизационные истоки/ Ю. Пахомов, С. Пахомов //Экономист. – 2009. – №2.
8. Пороховский А.А. Экономический кризис как рубеж современного мирового и национального развития/ А.А. Пороховский // Экономическая теория. – 2009. – №1.

9. Сухарев О. Мировой финансовый кризис и способность экономики к развитию/ О. Сухарев // *Экономист*. – 2008. – №12.
10. Тарасевич В.Н. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке/ В.Н. Тарасевич// *Вопросы экономики*, 2004. – №4.
11. Задорожный Г.В. Экономикс или социальная экономия? (размышления политэкономма)/ Г.В. Задорожный // *Вісник Харк. нац. універ. ім. В.Н. Каразіна. Серія економічна. №884*. – 2010. – С. 3-11.
12. Задорожный Г.В. Трансперсональная психология как фундаментальное основание новой парадигмы экономической науки: о необходимости изучения духовного мира человека и перехода к социальной экономике/ Г.В. Задорожный // *Социальная экономика*. – 2009. – №2. – С. 5-24.
13. Полтерович В.М. Кризис экономической теории. Докл. на науч. сем. Отд.эк. и ЦЭМИ РАН. "Неизвестная экономика"/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/d9702t/d9702t.htm>
14. Von Mises L. *Human Action: A Treasure of Economics*. 3rd ed. Chicago: Henry Regnery, 1966. – 563 p.
15. Dow, Sheila C. *Methodological Pluralism and Puralism of Method*. In: Geoffrey, M. Hodgson. (ed.). *A Modern Reader in Institutional and Evolutionary Economics. Key Concepts*. Cheltenham: Edward Elgar, 2002. – P. 136-146.
16. Коврига А.В. Развитие бизнеса и предпринимательства как функция городского управления: проблемы институционализации (статья первая)/ А.В. Коврига// *Коммунальное хозяйство городов. Нац. науч.-техн. сборник*. – Киев: Техника, Вып. 10. – 1997. – С. 223-229.
17. Luhman, N. *Globalization or World Society? How to Conceive Of Modern Society*. *International Review of Sociology*, 1997, No. 7(1). – P. 67-75.
18. Richter, D. *Nation als Form*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. – 418 p.
19. Bonefeld, W. *The Spectre of Globalization: On The Form and Content of the World Market*. In: Bonefeld, W.; Psychopedis, K. (eds.). *The Politics of Change: Globalization, Ideology, and Critique*. Basingstoke: Macmillan, 2000. – P. 34-41.
20. Франк А.Г. Нет никаких цивилизаций: единство и непрерывность в разнообразии, или многосторонняя и энтропийная парадигмы для мира сегодня и завтра/ А.Г.Франк // *ПРОГНОЗИС*. – 2007, № 4(12), зима. – С. 3-23.
21. Kovryga, O.; Nickel, P. *The Inevitability of Enduring Historical and Cultural Patterns: The Paradox of Decentralization Efforts in Ukraine*. *Administrative Theory and Practice*, 2004, Vol. 26, No.4. - P. 609-634.
22. Kovryga, O.; Nickel, P. *In a Cycle of False Necessity? Escaping from Embedded Quasi-Institutions and Building a New System of Public Administration and Management in Ukraine*. *International Journal of Public Administration*, 2006, Vol. 29, No. 13. - P. 1151-1166.
23. North, Douglass C. *Structure and Change in Economic History*. New York: Norton, 1981. – 432 p.
24. Williamson, O.E. *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. New York: Free Press, 1985. – 450 p.
25. Williamson, O.E. *The Mechanisms of Governance*. New York: Oxford University Press, 1996. – 429 p.
26. Williamson, O.E. *The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead* // *Journal of Economic Literature*. – 2000. – Vol. 38, No.3. – P. 595-613.
27. Furubotn, Eirik G.; Richter, Rudolf. *Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1997. – 412 p.
28. Buchanan, James M. *The Domain of Constitutional Economics*. In: Foss, Pal. *Economic Approaches to Organizations and Institutions: An Introduction*. Aldershot, Brookfield, USA: Dartmouth, 1995. – P. 1-16.
29. Steinmetz, George. (ed.). *The Politics of Method in the Human Sciences: Positivism and Its Epistemological Others*. Durham, NC: Duke University Press. 2005. – 524 p.

30. Mitzen, Jennifer. *Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma*. *European Journal of International Relations*, 2006, Vol.12. No.3. – P. 341–370.
31. Jessop, Bob. *Conservative regimes and the transition to post-Fordism: The cases of Great Britain and West Germany*. In: Gottdiener, Mark; Komninos, Nicos. (eds.) *Capitalist Development and Crisis Theory: Accumulation, Regulation, and Spatial Restructuring*. London: Macmillan, 1989. – P. 261–299.
32. Veblen, Thorstein. (1898). *Why Economics is not an Evolutionary Science?* *Quarterly Journal of Economics*. Vol.12, No.3, July. – P. 389.
33. Hodgson, Geoffrey. *Evolution and Institutional Change: On the Nature of selection in Biology and Economics*. In: Mäki Uskali, Gustafsson Bo and Knudsen Christian. (Eds.). *Rationality, Institutions and Economic Methodology*. London and New York: Routledge, 1993. – P. 222-241;
34. Pitelis, Christos. *Towards an Evolutionary Perspective of Institutional Crisis*. In Groenewegen, John; Pitelis, Christos; Sjöstrand, Sven-Erik. (Eds.). *On Economic Institutions: Theory and Applications*. Edward Elgar, 1995. – P. 101-126.
35. Marshall, Alfred. *Principles of Economics*. 8th ed. London: Macmillan, 1920/1949. – 456 p.
36. Беккер Гэри С. *Экономический анализ и человеческое поведение/ Гэри С. Беккер // THESIS*. – 1993. Вып. 1. – С. 24–40.
37. Беккер Гэри С. *Человеческий капитал (главы из книги)/ Гэри С. Беккер // США: экономика, политика, идеология*. – 1993. № 11. –С. 109–119; № 12. С. 86–104; Беккер Гэри С. *Экономика семьи и макроповедение/ Гэри С. Беккер // США: экономика, политика, идеология*. – 1994, № 2. – С. 99–107; № 3.– С. 93–98.
38. Feeny, D. *The Demand for and Supply of Institutional Arrangements*. In: Ostrom, V.; Feeny, D.; Picht, H. (Eds.). *Rethinking Institutional Analysis and Development: Issues, Alternatives, and Choices*. San Francisco, California: Institute for Contemporary Studies, 1993. – P.178-182.
39. Aoki, M. *Towards a Comparative Institutional Analysis: Motivations and Some Tentative Theorization*. *Japanese Economic Review*, 1996, Vol. 47, No.1, pp. 1-19.
40. Hicks, John R. *Some Questions of Time in Economics*. In: Anthony M. Tang; Westfield, Fred M.; James S. Worley. (Eds.). *Evolution, Welfare and Time in Economics*. Toronto: D.C. Heath, 1976. – P. 135-151.
41. Herbert, Simon. *Theories of Decision Making in Economics and Behavioral Science*. *American Economic Review*. 1959, No.49, June. – P. 467-482.
42. Herbert, Simon. *On the Behavioral and Rational Foundations of Economic Dynamics*. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 1984, No.5, March. – P.35-56.
43. Коврига А.В. *Знання в традиційному інституціоналізмі/ А.В. Коврига //Соціальна економіка*. – 2003. – № 3-4. – С. 73-105.
44. Banerjee, A. *A Simple Model of Herd Behaviour*. *Quarterly Journal of Economics*, 1992, No. 108. – P. 797–817; Chamley, C. P. *Rational Herds: Economic Models of Social Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 412 p.

Анотація

КРИЗА І ЕКОНОМІЧНА ПРОФЕСІЯ: ДО НОВОГО ПОРЯДКУ ДЕННОГО? (СТАТТЯ I – ІНСТИТУЦІЙНА ДИНАМІКА В НЕОКЛАСИЧНОМУ ПІДХОДІ)

Коврига О.В., к. е.н.

Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна

В статті розглянуто ситуацію системної кризи економічної професії. Обрунтовано значимість стратегічного аудиту і оновлення підходів і методів діяльності професії, роль рішення цієї проблеми щодо розбудови нового світо-господарчого порядку і розвитку в ХХІ ст. Сформульовано завдання критичного аналізу підґрунтя неокласичного підходу – бази глобальної інтелектуальної і господарчої політики неоліберального капіталізму. Показано принципи обмеження неокласичного підходу щодо моделювання інституційної динаміки.

Ключові слова: системна криза, економічна професія, новий світо-господарський порядок, неокласичний підхід, інституційна динаміка.

Summary

CRISIS AND ECONOMIC PROFESSION: MOVING TO NEW AGENDA?
(PAPER 1 – INSTITUTIONAL DYNAMIC IN NEOCLASSICAL APPROACH)

Kovriga A.V., Doctor of Economics
V.N. Karazin Kharkov National University

This paper considers systemic failure of economic profession as crucial issue of global agenda. It is stated the necessity to undertake a strategic audit, inventory checking & renovation of approaches & methods of professional activity all of which extremely crucial for development of new world-economic order. Among the key tasks is critical reassessment of neoclassical approach that serve as methodological base for mainstream economics & policy of neo-liberal capitalism development. It defines limitations of neoclassical approach in modeling of institutional dynamic.

Key words: systemic failure, economic profession, new world-economic order, neoclassical approach, institutional dynamic.

Поступила в редколлегию 29.03.2010 г

© Коврига А.В., 2010 г.